

Николай Надеждин

В конце декабря 1882 года на квартире И.А. Гончарова на Моховой улице собрался узкий кружок его друзей по «Вестнику Европы»: А.Ф. Кони, М.М. Стасюлевич, А.А. Краевский, Я.П. Полонский, А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович, Е.И. Утин и Д.Н. Цертелев поздравит писателя с пятидесятилетием его литературной деятельности. Это празднование, от проведения которого он всячески отказывался, однако состоялось, и ему пришлось таки выслушать несколько приветственных речей в свой адрес. Не обошлось, конечно, без воспоминаний о том времени, когда он впервые взял в руки перо.

Учёба в Московском университете внесла в жизнь юноши-студента Гончарова много приятного и полезного, и оставила самое неизгладимое впечатление. «Наконец все трудности преодолены: мы вступили в университет», — с восторгом писал И.А. Гончаров в своих воспоминаниях «В университете» о самой лучшей поре в его жизни.

Университет открывал студенту широкие возможности. «С учебной почвы, — вспоминал Гончаров, — он ступает на учёную. Умственный горизонт его раздвигается, перед ним открываются перспективы и параллели наук и вся бесконечная даль знания, а с нею и настоящая, законная свобода — свобода науки». Но вместе с тем, каждый сту-

дент, предвкушая будущую свободу, готовился к систематическому и тяжкому труду познания.

Единственными и авторитетными наставниками студентов по бесконечному и широкому потоку научных знаний были профессора и книги. В университет ходили, «как к источнику за водой, запасались знанием, кто как мог...». Университетские воспоминания Гончарова ценны тем, что они обстоятельно описывают процесс обучения и методы университетского преподавания. И, конечно, наибольший интерес вызывают «портреты ряда университетских профессоров», мастерски созданных Гончаровым. «Личный состав наших профессоров, — писал Иван Александрович, — был очень удачным, с малыми, едва заметными исключениями... Мы глубоко уважали и горячо ценили Каченовского, любили Надеждина, Шевырёва...».

Давая им общую оценку, Гончаров отмечал, что они представляли поколение учёных-профессоров, символизирующих «свободу науки и научного мышления».

К числу своих кумиров Гончаров относил Николая Ивановича Надеждина, в адрес которого им сказано было много добрых слов.

Сын сельского священника, Николай Надеждин, закончив духовную академию, не пошёл по пути отца. Намного больше его привлекала светская деятельность, профессура, журналистика. В свои 28 лет Надеждин уже был признанным знатоком истории,

Здание Московского университета на Моховой

Курьер Ивана Гончарова

Вид г. Усть-Сысольск

философии, археологии, теории литературы; и к тому же получил кафедру в Московском университете.

Для студента Ивана Гончарова профессор Надеждин был не только уважаемым человеком, но ещё и первым его издателем.

С 1831 по 1836 годы Николай Иванович являлся издателем и редактором научно-художественного журнала «Телескоп» – журнала «современного просвещения» и приложения к нему – газеты «мод и новостей» «Молва».

Заслугой Н.И. Надеждина являлось то, что он своими стараниями сделал этот журнал прогрессивным, уважаемым и читаемым в России. По своему содержанию и структуре журнал был энциклопедическим. Важнейшей задачей Николай Иванович считал утверждение национальной самобытности русской литературы.

К сотрудничеству в своих изданиях Надеждин привлёк известных людей того времени, в том числе и профессоров университета С.П. Шевырёва, М.П. Погодина и других.

В 1833 году издатель не побоялся пригласить в качестве сотрудника журнала В.Г. Белинского, исключённого в 1832 году из Московского университета за написанную им драму «Дмитрий Калинин». В своей работе Белинский подверг резкой критике крепостное право, требуя его уничтожения.

Работая на кафедре со студентами, Надеждин проявлял большой интерес к их творчеству, поддерживал и всячески поощрял молодые дарования. Многие студенты являлись его ближайшими помощниками по журналу и газете. Позднее некоторые из них стали известными писателями и журналистами: Н. Огарёв, М. Бакунин, М. Чистяков, О. Бодянский, К. Аксаков и другие.

Кроме научных, публицистических, литературоведческих статей на страницах журнала печатались художественные произведения русских и зарубежных писателей. Профессор не обошёл своим вниманием любознательного и способного студента Ивана Гончарова.

В начале октября 1832 года из печати вышел пятнадцатый номер журнала, в котором был напечатан первый юношеский опыт И.А. Гончарова – перевод двух глав из пятой книги романа французского писателя Эжена Сю «Атар-Гюль». Фамилия переводчика не указывалась.

В то время входила в моду французская литература, Гончаров был увлечён ею, читал в подлиннике и приходил в восторг. Тогда-то и возникло желание попробовать сделать перевод романа «Атар-Гюль».

Автор этого произведения Эжен Сю, настоящее имя которого Мари Жозеф, был известен в 1-й половине

XIX века такими социальными романами с авантюрно-сентиментальными сюжетами, как «Парижские тайны», «Вечный жид», «Семь смертных грехов» и др. Как попала на страницы популярного московского журнала «Телескоп» эта первая работа юного Ивана Гончарова – сказать трудно. В своей книге о Гончарове её автор Ю. Лощиц по этому поводу отмечал: «Мы не знаем: то ли Надеждин оценил круглощёкого юношу, то ли сам Иван Гончаров, робея, принёс обожаемому профессору рукопись». Но для Гончарова важно было уже то, что она напечатана, замечена и положительно оценена, ведь издатель счёл нужным её опубликовать.

Для студента Гончарова было большой честью оказаться напечатанным в этом популярном журнале, который отличался от других не только своим направлением, содержанием, подбором авторов, но и качеством оформления. Вот как журнал «Телескоп» характеризовали специалисты: «Предельная лаконичность обложки, тонкие, чистые линии, чуть подчёрнутые фигурным полнотипажным орнаментом в углах полей, марка типографа на скромной изящной плашке – всё являет торжество вкуса и гармонической соразмерности, ту строгую иерархию элементов книжной формы, которая характеризует эстетику классицизма».

Как отмечал сам Гончаров, период с августа 1832 по август 1833, был для него удачен всем: учёбой в университете, «республиканской свободой», которая там царила в то время, безоблачной студенческой жизнью, своими первыми успехами и, конечно, своей первой печатной работой на страницах «Телескопа». В своих воспоминаниях этот год Гончаров назовет «золотым веком нашей университетской республики».

Университетский курс закончился в июне 1834 года. После выпускных экзаменов «мы все, как птицы, — писал Гончаров, — разлетелись в разные стороны... но влияние университета продолжалось... я не забывал профессоров и их указаний». О них он не только не забывал, но и счёл своим долгом, став известным романистом, оставить очень яркие, наполненные душевной теплотой воспоминания. Впервые эти мемуары были опубликованы в журнале «Вестник Европы» за 1887 год под названием «Из университетских воспоминаний» с подзаголовком «Как нас учили 50 лет назад». Не был забыт и Эжен Сю. Создавая «Обыкновенную историю» и «Обломова», Гончаров устами своих героев процитирует отдельные высказывания из произведений французского автора.

Университетская свобода длилась недолго, различные студенческие вольности настораживали высших чиновников, которые потребовали «подтянуть университеты вообще». Ужесточение университетской дис-

циплины коснулось не только студентов, но и профессоров. Издательская деятельность Надеждина вскоре была прекращена. Причиной тому стала публикация в одном из номеров «Телескопа» за 1836 год «Философического письма» П. Чаадаева. Царским правительством оно было признано крамольным, и 22 октября 1836 года Николай I запретил издание «Телескопа». Надеждин был выслан в Усть-Сысольск, а затем переведён в Вятку, а Чаадаев официально объявлен сумасшедшим. К издательским неприятностям добавилась ещё и глубокая личная драма.

Николай Надеждин, давая уроки в доме московского богача Сухово-Кобылина, обратил внимание на его дочь — очень милую и красивую Елизавету. Симпатии оказались взаимными, но на пути их союза неодолимым препятствием стали родители девушки, которые были категорически против брака с «поповичем». Жизнь для Николая Ивановича потеряла всякий смысл — всё то, чем с величайшим желанием занимался, чем жил, к чему стремился — всё рухнуло в одночасье и, как оказалось, навсегда. Он уже никогда больше не возвращался к самостоятельной журналистской деятельности. В последующие после ссылки годы он писал статьи для различных малоизвестных периодических изданий.

Однако для Гончарова Надеждин навсегда остался самым симпатичным и любезным человеком высокой культуры и эрудиции. Не всем приходилось «по вкусу» молодой профессор и издатель, недоброжелателей у него было достаточно. Одни упрекали его за журналистскую деятельность, другие — за преподавание. Впоследствии Гончаров не раз вставал на его защиту от несправедливых нападок. Иван Александрович говорил, что упрекать Надеждина можно лишь в том, в чём он не был виноват, а именно: «Он читал и всегда с увлечением, например, о скульптуре, архитектуре у древних, о школах живописи, о знаменитых произведениях всех трёх искусств, — сам никогда не выдав ни одного здания, ни одной знаменитой статуи, ни одной порядочной картины... Отсутствие живого, личного впечатления, наглядности было заметно в его лекциях — и это могло быть принято за сухость». Но при всём том, как отмечал Гончаров, им было прочитано и детально изучено всё

написанное другими по этой части. Заслуга профессора была в том, что в лекциях он своим «воображением создавал идеалы знаменитых произведений и предлагал их слушателям» так, как другие передать были не способны.

В письме к А.Н. Пыпину, историку литературы, журналисту и критику работавшему над монографией «Белинский, его жизнь и переписка», Гончаров ещё раз с благодарностью отзывался о профессоре Надеждине и его лекциях: «Его никак нельзя упрекнуть в безучастии к собственному предмету, в сухости слов и недостатке серьёзных занятий... Это был строгий и основательный учёный по части гуманитарных наук». Если другие профессора обеспечивали студентов литографированными лекциями, то лекции Николая Ивановича Надеждина нужно было комментировать, «иначе не почему было готовиться к экзаменам и вообще следить за лекциями. Этот способ записывать чрезвычайно помогал свыкаться с изложениями и практически учил хорошему русскому языку».

Надеждин, Шевырёв, Давыдов, по отзывам Гончарова, «держали юношество на известной высоте умственного и нравственного настроения, приобщали к красоте, изяществу, правде, добру, совершенству. К тому же они первые «нарушили рутинный ход официальной критики и внесли в последнюю разум, свежесть, чистый воздух, простоту и т.д.». Находясь в кругосветном плавании, Гончаров узнаёт, что Надеждин тяжело болен. В письме к своим друзьям Е.А. и М.А. Языковым он сгоречью напишет — «мне жаль Николая Ивановича».

Надеждинские зёрна познания, внесённые в благодатную почву, дали отличные всходы. Ныне произведения И.А. Гончарова стоят в ряду величайших творений мировой литературы. Они являются эталоном, образцом художественного языка. И создать их мог только истинно русский человек, используя, по определению В.Г. Белинского, язык «чистый, правильный, лёгкий и свободный», первые уроки которого он постигал в университете на лекциях уважаемого профессора.